

УДК 930.26

А.В. Тетенькин

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ВАРИАБЕЛЬНОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ФИНАЛЬНОГО ПЛЕЙСТОЦЕНА – РАННЕГО ГОЛОЦЕНА НИЖНЕГО ВИТИМА

Статья посвящена проблеме культурной вариабельности ансамблей финального плейстоцена – раннего голоцена на Нижнем Витиме (Байкало-Патомское нагорье, Иркутская область). На основе изучения опорного геoarхеологического объекта Большой Якорь I и нового местонахождения Коврижка III и ряда других выделены два типа индустрий, установлено сосуществование обоих типов в конце плейстоцена – раннем голоцене. Формулируемый третий тип индустрии сопутствует им в раннем голоцене. В индустрии Коврижки III получены свидетельства зарождения призматической микропластинчатой техники расщепления, получившей дальнейшее развитие в голоцене. Обсуждаются возможные причины культурной вариабельности ансамблей.

Ключевые слова: культурная вариабельность, финальный палеолит, типы индустрий каменного производства.

Корпус финальноплейстоценовых ансамблей Нижнего Витима (Байкало-Патомское нагорье, Иркутская область) насчитывает около двух десятков ансамблей, входящих в многослойные геoarхеологические местонахождения Авдеиха (три культурных горизонта) [1, 2], Большой Якорь I (12 культурных горизонтов) [3–6], Коврижка II (один культурный горизонт) [6, 8, 9], Коврижка III (два культурных горизонта) [6–8], Мамакан VI (один культурный горизонт) [10], сосредоточенные в Мамаканском геoarхеологическом субрайоне. Наиболее представлен из них Большой Якорь I. Его нижние культурные горизонты 3А–9 возрастом около 12,63А–911,5 тыс. л.н. отличительны повторяющимся сходством морфологически выраженных типов бифасов с обушком под углом, сопряженным с лезвием, и бифасов овальных асимметричных, трансверсальных резцов, а также клиновидных микропластинчатых нуклеусов и стоящей за ними технологии редукции бифасов снятием краевого и лыжевидных сколов и многократного, полифункционального использования на всех стадиях модификации. Открытие в 1990–2000-х гг. и изучение плейстоценовых комплексов Коврижки II и III показало, что, несмотря на наличие формальных признаков дюктайской верхнепалеолитической культуры, их ансамбли не обнаруживают единства с ансамблями Большого Якоря I в морфологии инвентаря, и, очевидно, в стоящих за артефактами технических традициях. Тем самым **впервые обозначилась проблема культурной вариабельности памятников рубежа плейстоцен – голоцен.**

В ансамблях Большого Якоря I были выделены два типа технических стратегий каменного производства, имеющих адаптивную специфику [5]. Первая стратегия расщепления заключалась в интенсивном многоцелевом и многократном ис-

пользовании принесенных бифасов в разных инструментальных задачах и, в конце концов, в роли нуклеуса для снятия микропластин. Сам бифас претерпевал многократную редукцию в лице снятых продольных краевого и лыжевидных сколов, фасиального оформления лезвия, торцового микропластинчатого расщепления. Этот тип расщепления характерен рачительностью использования ресурса поделочного камня и планированием возможной будущей деятельности, заложенной в идее модификации бифаса. Поскольку 8, 7, 6-й культурные горизонты (к.г.) Большого Якоря I были зоoarхеологическими методами определены как зимние, то и стратегия расщепления камня интерпретирована как зимняя, развивающаяся в условиях снежного покрова, дефицита поделочного сырья, отсутствия времени на его поиск. Так как конечный итог расщепления бифаса сводился почти всегда к микропластинам, то по конечному виду деятельности – заправке лезвий охотничьего вооружения – этот тип литопроизводства был связан с кратковременными охотничьими ситуациями. Другой адаптивный тип технической стратегии характеризуется экстенсивным расщеплением речных галек-валунчиков для получения большого количества отщепов и сколов разнообразных форм. Вторичная их обработка представляла собой технически простое решение в виде оформления лезвия краевой односторонней ретушью либо вообще использование отщепа без вторичной обработки. Эта стратегия технически проста в исполнении, но расточительна в ресурсном плане, и было предположено, что она должна быть востребована в бесснежное время на стоянках с широким доступом к сырью, в результате чего планирование будущего инструментального обеспечения деятельности контрастно низко. Быстрота оформ-

ления орудия, доступность сырья не предполагают рачительного использования орудий, т.е. реутилизации, переоформлений артефакта. По всей видимости, такие орудия были одноразовыми и за пределы стоянки не уносились. Представителями этой стратегии названы к.г. 5 и 4Б Большого Якоря I. Для них определен сезон года – поздняя весна [5]. Наиболее сложный к.г. 6 охарактеризован как композитный-смешанный либо более долговременно обитаемый, содержащий наиболее полный технический перечень изделий.

Наряду с ситуативно специфичными орудиями в культурных горизонтах Большого Якоря I неизменно присутствуют морфологически выраженные (намеренно моделированные и стандартные) трансверсальные поперечные резцы и бифасы с коротким обушком-пяткой под острым углом, сопряженным с лезвием, характерные почти для всех горизонтов – и зимних, и весенних (бифасы, в частности, в к.г. 9–5). Их следует определить как геометрически выработанные – стандартизированные стереотипные артефакты, подчиненные более определенным культурным традициям – типам, чем сезонно-хозяйственной специфике ситуаций.

Комплексы 2-го и 3-го к.г. Коврижки III сегодня являются наиболее информативными ансамблями финала плейстоцена, типологически отличными от материалов Большого Якоря I. Стоянка Коврижка III находится на правом берегу Витима, в нижнем его течении, в 3 км ниже устья р. Мамакан, на 22-й надпойменной террасе [7, 8]. Стоянка открыта в 1996 г. А.В. Тетенькиным и Е.М. Инешным. На данном этапе ее изучения выделено пять уровней обитания: к.г. 1, 1А, 2-верхний, 2-нижний и 3. 1-й к.г. имеет ^{14}C дату 8095 ± 120 л.н. (СОАН-8262), к.г. 1А – 8135 ± 120 л.н. (СОАН-7027), 8180 ± 130 л.н. (СОАН-5277). Раскопки показали, что 2-й к.г. имеет некоторую степень компрессии. В нем выявлены и датированы по ^{14}C очаги, отбывающие кровлю и подошву 2-го к.г.: верхний уровень (очаг 5) – 10400 ± 200 л.н. (СОАН-7964), нижний уровень (очаг 3) – 11050 ± 210 л.н. (СОАН-7966) (возраст здесь и далее не калиброван). На этом основании в рамках 10,4–11,0 тыс. л.н. были выделены 2-верхний и 2-нижний к.г. По нижнему, 3-му, к.г. имеется дата 11390 ± 230 л.н. (СОАН-8261). Местонахождение раскопано на площади 37 кв. м.

Каменные изделия культуры 2-го к.г. представлены расколотыми гальками и галечными нуклеусами для снятия отщепов, чопперами, торцовыми-клиновидными и призматическими нуклеусами для снятия микропластин, бифасами, скреблами, скребками, ретушированными отще-

пами и пластинками, провертками-перфораторами, резцами диагональными-трансверсальными, угловым, срединными-многофасеточными из обломков кристаллов горного хрусталя, фрагментированными микропластинками [8].

Поскольку ключевым признаком технологической истории финального плейстоцена – раннего голоцена является развитие технологий микропластинчатого расщепления, уместно отметить разнообразие микронуклеусов из 2-й к.г. В коллекции есть: 1) торцовые (терминальные) нуклеусы из отщепов без предварительной подготовки кия, латералей, контрфронта, 2) с минимальной подтеской кия по одному или двум фасам, 3) клиновидные нуклеусы из бифасов, 4) призматические нуклеусы с фронтом на торце и одной из латералей, 5) обломок кристалла горного хрусталя с негативами призматических микропластинчатых снятий. Общей особенностью является подготовка и поджигание ударной площадки короткими сколами с фронта и латерали. Такого ярко выраженного технологического признака, как лыжевидные сколы, снятые продольно с бифасов и подготовившие ударную площадку для нуклеуса, известного в комплексах соседнего Большого Якоря I, на Коврижке III нет, как нет и типичных для него поперечных трансверсальных резцов [5]. Учитывая наличие галечных нуклеусов, чопперов, бифасов, клиновидных нуклеусов, комплекс 2-й к.г. соотнесен с ансамблями дюктайской верхнепалеолитической культуры Якутии [2]. С другой стороны, те же формы нуклеусов из бифасов и отщепов и тот же тип ударной площадки для микронуклеусов, принципиально отличные от комплексов Большого Якоря I, мы видим в материалах Авдеихи. Наличие микронуклеусов с заходом фронта с торца на латераль, преформ, готовящих под фронт не ребро, а плоскость, ограниченную двумя ребрами, на фоне разных вариантов терминального расщепления авторы склонны рассматривать как признаки зарождения техники призматического нуклеуса.

Выразительным признаком индустрии 3-го к.г. являются бифасы [9]. Морфологически они разнообразны, предположительно различны и их функции – это многофункциональные орудия, заготовка нуклеуса, топор, скребло. Бифасы с выемкой и бифас-топор (?) морфологически специфичны. Последний, в частности, интересен некоторой степенью сходства с так называемыми «сумнагинскими топорами с ушками». В списке орудий 3-го к.г. состоят также скребла, чопперы-струги, нож, комбинированное орудие, резец срединный многофасеточный, проколка, графититовый мелок (плитчатая отдельность с закругленными от исти-

рания углами). Разнообразны микронуклеусы: клиновидный, терминальный, призматический варианты. Они в целом подтверждают тезис о различных приемах подготовки нуклеусов для снятия микропластин во 2-м к.г. В том числе и в данном, более раннем 3-м к.г. находятся свидетельства развития призматического микрорасщепления. Характеризуя 2-й к.г. Коврижки III, мы определяли его как верхнепалеолитический комплекс дюктайского облика, но с наличием признаков призматического микропластинчатого расщепления, приписываемых в Якутии более поздней, сумнагинской раннеголоценовой культуре [2, 8]. Новый, 3-й, к.г., несмотря на то, что более древний, воспроизводит эту специфику.

Новый уровень развития темы вариативности археологических ансамблей связан с открытием существования комплексов типа Большого Якоря I и типа Коврижки III – Авдеихи в раннем голоцене. Так, свидетельства продольного расщепления бифаса (лыжевидные сколы) и производного нуклеуса типа юбецу, характерные для Большого Якоря I, найдены в пункте 1 Инвалидного III (радиоуглеродные определения около 9,1 и 6,1 тыс. л.н.), 4-го и 5-го к.г., Коврижки IV (около 7–8 тыс. л.н.). Индустрия типа Авдеихи – Коврижки III свойственна раннеголоценовым комплексам к.г. 1-4, 4А Коврижки II (возраст около 7–8,2 тыс. л.н.). В раннем голоцене эта пара типов ансамблей дополняется комплексами с индустрией на основе микропластинчатого расщепления призматических нуклеусов. Это памятники типа Большой Северной на Витиме [2, 11]: Инвалидный III – пункты 2, 3 (8,9–8,6 тыс. л.н.), Коврижка III – к.г. 1А (8,1–8,3 тыс. л.н.), Коврижка I – 1-й к.г. (около 6,0 тыс. л.н.). Культурно-типологически они связаны, с одной стороны, с сумнагинской культурой Якутии, с другой стороны, по таким признакам, как тесла, с перехватом коррелированы с мезолитическими памятниками юга Средней Сибири [12], а также побережья Байкала [13] и Верхнего Витима [14].

Длительное развитие индустрий типа Большого Якоря I и типа Авдеихи – Коврижки III, сосуществование их на одной территории Мамаканского геоархеологического субрайона отрицает версию стадийного развития этих технических традиций на Витиме, равно как и версию стадийно-хронологического предшествования сумнагинской культуре, появившейся в раннем голоцене (мы наблюдаем существенные признаки сумнагинской культуры – индустрии типа Большой Северной [2, 8] – в верхнепалеолитических, финальноплейстоценовых комплексах Коврижки III и сохранение палеолитических традиций в раннем го-

лоцене [11]). Сложно признавать эти типы и как этнокультурные признаки: неправдоподобна возможность сосуществования на протяжении нескольких тысячелетий трех различных этнических групп с отличной друг от друга материальной культурой, сопряженных в пределах очень небольшого участка долины Витима. Следует заметить, что если изначально выделенные типы и действительно отражают существенные качественные и количественные признаки, то дальнейший ход научного познания, как правило, приводит к размытию границ между типами, появлению признаков одних типов в ансамблях других, и наоборот. Типологически характеризуемый как сумнагинский 1-й к.г. Инвалидного III – пункта 2 содержит изделие из бифаса [5. Рис. 8.5]. А во 2-м и 3-м к.г. Коврижки III помимо дюктайского типа изделий найдены самые ранние пока для Нижнего Витима призматические нуклеусы, и в этом смысле появляется основание для постановки вопроса о происхождении призматической техники на основе местной позднепалеолитической технической культуры. Развитие навыков ротации микропластинчатого расщепления по периметру призматической преформы, цикличности поджигления нуклеуса при переходе на эксплуатацию качественного изотропного сырья (вулканического стекла) привело к появлению ансамблей индустрии типа Большой Северной. Исходя из этого, в качестве рабочей гипотезы мы предполагаем, что разные по технико-типологическим и сырьевым признакам ансамбли были обусловлены такими факторами, как сезон года, продолжительность обитания, специализация деятельности на стоянке, качество и доступность поделочного сырья. Наиболее вероятна версия культурной пластичности древнего населения, реализующего адаптивно различные способы литопроизводства и инструментального обеспечения деятельности в зависимости от времени года, обеспеченности сырьем, продолжительности и целей обитания на месте. Таким образом, в ходе последних лет исследований на Нижнем Витиме были выявлены: а) неоднородность ансамблей, постулированная до уровня трех типов индустрий; б) длительное сосуществование их еще и в первой половине голоцена; в) получены первые данные к гипотезе о формировании призматической микропластинчатой индустрии на местной палеолитической основе около 11,4–10,4 тыс. л.н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мочанов Ю.А. Основные итоги десятилетних работ Приленской археологической экспедиции // Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975. С. 5–8.

2. Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.
3. Инешин Е.М. Некоторые итоги и задачи изучения археологических памятников Нижнего Витима // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. к XXV РАСК. Иркутск, 1985. С. 100–102.
4. Белоусов В.М., Инешин Е.М., Бураков К.С., Начасова И.Е. Некоторые итоги изучения плейстоценовых отложений археологических памятников Нижнего Витима // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск, 1990. С. 60–65.
5. Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск: Наука, 2010. 270 с.
6. Goebel T., Buivitt I. Introducing the archaeological record of Beringia // From the Yenisei to the Yukon. College Station: Texas A&M University Press, 2011. P. 1–30.
7. Тетенькин А.В. Развитие археологии Нижнего Витима в контексте исследований группы местонахождений Коврижка I–IV // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Иркутск: Амтера, 2009. С. 322–332.
8. Тетенькин А.В. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995–2009 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2010. Вып. 8. С. 64–134.
9. Тетенькин А.В., Инешин Е.М., Егорова Н.А. Новый археологический комплекс эпохи финального палеолита севера Байкальской Сибири (предварительные результаты исследования 3-го культурного горизонта Коврижки III на Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. Вып. 9. С. 165–176.
10. Белоусов В.М., Инешин Е.М., Сулержицкий Л.Д., Тетенькин А.В. Модель формирования рельефа Мамаканского геоархеологического субрайона // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 2002. Вып. 2. С. 21–42.
11. Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии: сб. науч. трудов / под ред. А.В. Харинского. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 96–104.
12. Мезолит Верхнего Приангарья. Ч. 1. Иркутск, 1971. 242 с.
13. Горюнова О.И., Новиков А.Г. Бескерамические комплексы Приольхонья (оз. Байкал) // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2000. С. 51–57.
14. Ветров В.М. Каменный век Верхнего Витима: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992. 17 с.